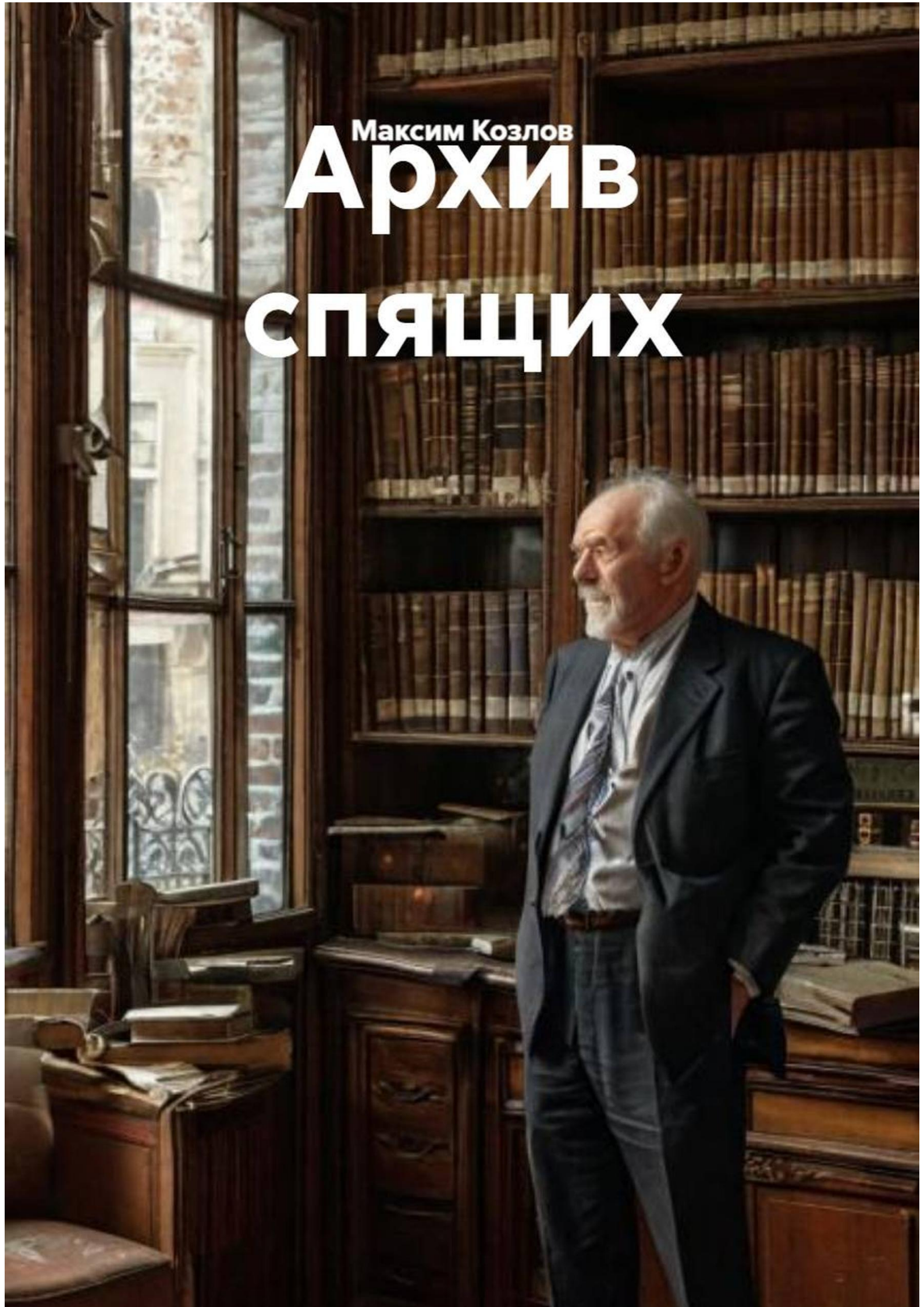

Максим Козлов

АРХИВ СПЯЩИХ

Максим Козлов

Архив спящих

«Автор»

2026

Козлов М.

Архив спящих / М. Козлов — «Автор», 2026

Алексей получает в наследство от деда ключи от старой квартиры на Петровке. Тихонова-старшего все считали тихим бухгалтером, курившим «Беломор» и смотревшим в одну точку. Но за обитой дерматином дверью внук находит замурованную комнату без окон. Там — сотни бобин с аудиозаписями и папки с грифом «Секретно». Дед не сводил баланс. Он служил чистильщиком в закрытом институте. Его работой было стирать память свидетелям того, чего видеть не следовало. Чужой страх он запирает в архиве. Но одну женщину стереть не смог — и спасал ее всю жизнь. Теперь Алексей должен понять, кто начинает охоту за наследством старика, почему у него самого случаются провалы в памяти и где та грань, за которой украденное прошлое становится оружием. Семейный детектив в эстетике нуара, где советские семидесятые переплетаются с сегодняшним днем, а тишина звучит громче слов.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Шум старой пленки	5
Молоко на пленке	10
Врач Соколова	16
Сарай на берегу	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Архив спящих

«Мы помним не то, что было. Мы помним то, что нам оставили».
— Из протокола допроса объекта 17-А

Шум старой пленки

Алексей стоял у окна нотариальной конторы и смотрел, как вода стекает по жестяному откосу. В руке он держал конверт из плотной желтой бумаги. Внутри было тяжелое. Ключи. Дед умер во вторник. В среду утром пошел дождь. Дождь в этом городе всегда шел некстати. Он смывал пыль с тротуаров и загонял людей под козырьки подъездов, заставляя их вжимать головы в плечи.

— Бухгалтером, — сказал Алексей. Нотариус, женщина в очках с толстыми линзами, говорила долго и скучно. О том, что Иван Степанович Тихонов, 1932 года рождения, не оставил завещания на имущество, кроме одного пункта. Пункт касался квартиры. Не той, где он жил последние тридцать лет с бабушкой, пока она была жива, а старой, довоенной, в доме на Петровке. — Там, кажется, кладовка или архив какой-то, — сказала нотариус, протирая очки замшевой тряпочкой. — Ваш дед был бухгалтером, верно? У них всегда архивы.

Он мало знал деда. Знал, что тот носил серые костюмы и курил «Беломор». Что он никогда не повышал голоса. Что он мог сидеть на кухне час, глядя в одну точку, и бабушка говорила: «Не мешай, Ваня отдыхает». Отдыхал он странно. Алексей помнил: в детстве он зашел к деду в комнату, когда тот спал. Глаза деда были открыты. Он смотрел в потолок и молчал. Алексей тогда испугался и выбежал. Потом бабушка сказала, что у деда «такая работа, нервы».

Подъезд пах мокрой штукатуркой и старыми газетами. Лифт не работал. Он поднялся на четвертый этаж пешком. Ступени стерлись посередине, образуя плавные впадины. Миллионы шагов. В четверг дождь кончился. Стало холодно и ясно. Алексей приехал на Петровку. Дом стоял во дворе, спрятанный за фасадом сталинской высотки. Кирпичная кладка потемнела от времени, водосточная труба отошла от стены и при порыве ветра постукивала по жести. Звук был мерный, как метроном.

В квартире было темно. Окна выходили во двор-колодец, и свет с трудом пробивался сквозь невымытые стекла и плотный тюль, пожелтевший, как прокуренные зубы. Мебель была накрыта простынями. Простыни посерели и затвердели. В углу гостиной стоял книжный шкаф, пустой. Только на средней полке лежала одна книга — «Уголовный кодекс РСФСР» 1961 года издания. Алексей взял ее в руки. Книга пахла не пылью, а табаком. Казбеком. Дед курил только «Беломор». Ключ вошел в скважину туго, со скрежетом. Дверь была обита черным дерматином, порванным у ручки. На пороге лежал слой пыли толщиной в палец. Алексей толкнул дверь плечом.

Алексей попробовал связку ключей, что дал нотариус. Три от входной двери. Один маленький, плоский. Он вставил плоский в замочную скважину. Не подошел. Он сел на корточки и посмотрел на замок. Замок был новый. Слишком новый для этой убитой квартиры. Английский, с бронзовой накладкой. Врезан аккуратно, заподлицо. Так ставят, когда хотят, чтобы никто не вошел. Он обошел квартиру. Кухня. Ванная с ржавым бойлером. Спальня с железной кроватью, сетка провисла почти до пола. И еще одна дверь. Она была в коридоре, сразу за вешалкой. Дверь была заперта.

В связке оставался еще один ключ. Длинный, с двойной бородкой, стальной, без пластмассовой головки. Алексей вставил его. Повернулся мягко, без звука. Дед смазал замок перед смертью. Дед знал, что он придет.

Он понял: дед курил «Беломор» при людях. А «Казбек» — здесь. Он открыл дверь. Пахнуло сухим холодом и старой изоляцией. Это была не кладовка. Это была комната. Метров двенадцать. Без окна. Под потолком горела тусклая лампа под жестяным абажуром, но свет не включался. Видимо, перегорела. Алексей включил фонарик на телефоне. Луч выхватил стеллажи. От пола до потолка. Деревянные, грубо сколоченные, но крепкие. На них стояли коробки. Картонные, из-под обуви фабрики «Скороход», из-под папирос «Казбек», из-под импортного печенья. Все коробки были пронумерованы черным фломастером. Без дат. Только номера: 17-А, 42-Б, 101-В. И кассеты. Они лежали штабелями. Бобины для катушечного магнитофона. Сотни бобин. Пластмасса желтая и серая. На каждой бобине была наклейка с номером и коротким шифром. Например: «Об. С-12. Аудио. 1». Алексей подошел к столу. Стол был письменный, дубовый, залитый чернилами. На столе — печатная машинка. «Оптима Элит 3». Чехословацкая. В каретку заправлен лист. Лист чистый, но пробитый точечными ударами насквозь. Слишком много раз стирали и печатали заново. Рядом стояла пепельница. Полная бычков. «Беломор». И пустая пачка «Казбека».

В углу стоял магнитофон. «Тембр-2М». Тяжелый, черный, с никелированными рычагами. На левую катушку была намотана пленка. Правая катушка была пуста. Рядом лежала коробка с надписью «Последнее». Буквы дрожащие, выведенные рукой, которой уже трудно держать перо.

Он развернул лист. Алексей снял пальто. Повесил на спинку стула. Стул был жесткий, венский. Он сел. Положил телефон экраном вверх, чтобы свет фонарика падал на магнитофон. Взял коробку «Последнее». Открыл. Внутри лежала одна-единственная бобина. И сложенный вчетверо лист бумаги.

Почерк деда. Мелкий, аккуратный, бухгалтерский. Чернила синие, но выцветшие до бледно-голубого.

Дед». «Леша. Если ты читаешь это, значит, я уже не могу говорить сам. Значит, болезнь победила, или они нашли меня раньше времени. Не ходи на кладбище часто. Там нет меня. Я там, где эти катушки. Ты думаешь, я считал цифры. Я их стирал. В головах. Я был чистильщиком. В этой комнате — сон. Архив спящих людей. Они не помнят того, что видели. Потому что я сделал так, чтобы они забыли. Но один человек должен был помнить всегда. Женщина. Имя ты найдешь на пленке. Прости, что оставляю это тебе. У тебя начнутся провалы. Это не болезнь. Это наследство. Слушай пленку № 1. И никому не говори, что умеешь слышать то, что скрыто между словами. Осторожно. Твоя мать не знает. И не должна.

Он воткнул вилку. Лампочка индикатора сети загорелась тусклым оранжевым накалом. Магнитофон тихо загудел трансформатором. Этот звук был знаком с детства. Дед давал ему слушать сказки на таком же аппарате, только в другом корпусе. «Аленький цветочек» и «Конек-Горбунок». Алексей перечитал трижды. Слова не менялись. Он положил лист на стол и посмотрел на магнитофон. Провод был смотан, вилка лежала на полу. Розетка старая, советская, с трещиной.

Алексей снял пустую приемную катушку, поставил бобину из коробки «Последнее». Пленка была старая, тип 6. Коричневая основа, ацетат. Если порвется, склеить будет трудно. Он продел ленту через головки, прижимной ролик, закрепил конец на пустой катушке. Пальцы делали это сами, тело помнило навык тридцатилетней давности, когда он сидел у деда на коленях и крутил ручку перемотки.

И голос деда. Он нажал клавишу «Пуск». Динамик зашипел. Шипение было густым, как шум далекого водопада. Потом щелчок. Тишина. Еще щелчок.

Цель сеанса: купирование острой травматической фазы с последующей реконструкцией ложного воспоминания. Код внедрения: «Вы шли через парк Горького. Был дождь. Вы споткнулись и упали. Ударились головой. Поэтому вы ничего не помните о вчерашнем вечере». Повторить трижды в дельта-фазе сна». «Запись номер один. Контрольная. Объект: Сомова

Вера Андреевна, 1943 г.р. Дата: 15 мая 1976 года. Место: закрытый стационар МВД № 4, палата 12. Время: 22:15 по Москве.

Голос был не деда. То есть это был его голос, его тембр, его манера растягивать гласные. Но интонация была чужая. Так говорят врачи в операционной, когда просят скальпель. Холодно. Четко. Без сомнений.

«Вы очень устали. Вы спите, но слышите меня. Дышите ровно. Вдох. Выдох. Хорошо. Сейчас вы пойдете гулять в парк Горького. Там идет дождь. Теплый летний дождь. Вы идете по аллее...» Пленка шуршала. Слышно было, как в палате гудит вентиляция. Потом женский стон. Скрип кроватных пружин. «Вера Андреевна, вы меня слышите?» — голос деда стал мягче, в нем появилась вязкость, тягучесть. «Слышу...» — голос женский, слабый, испуганный.

«Нет. Не упала. Я видела его. Глаза. У него были мертвые глаза. Он держал нож. И кровь на рукаве. Я не могла закричать». Алексей слушал, как дед рисует голосом картинку. Листья. Мокрый асфальт. Мороженое в киоске. Он делал это мастерски. Он не просто приказывал забыть. Он строил новый мир. Прошло минут пятнадцать записи. Внезапно женский голос прервал монотонный речитатив деда:

«Да... парк...» В динамике раздался резкий шорох. Стук. Что-то упало. Голос деда изменился мгновенно. Ушла вязкость. Осталась сталь. «Вера, замри. Слушай меня. Ты не видела нож. Ты видела ветку дерева. Кленовую ветку. Она была мокрая. И сок на ней был красный. Это сок клена. Ты упала. Ты сильно ударила головой о корень. Поэтому мир плывет. Повторяй за мной. Кленовая ветка. Дождь. Падение. Боль в затылке». «Кленовая... ветка...» — голос женщины затихал. «Спи. Сейчас ты уснешь глубоко. Когда ты проснешься, вчерашнего вечера не будет. Будет прогулка в парке. Ты слышишь меня?»

Щелчок. Запись оборвалась.

«Чистильщик». Дед не считал чужие деньги. Он чистил чужие мозги. Он был тем человеком, которого присылали, когда свидетель видел слишком много. Или не то, что нужно. Он не убивал людей. Он убивал их прошлое. Это было даже страшнее. Алексей остановил магнитофон. В комнате повисла ватная тишина. Слышно было только, как на улице, за кирпичными стенами, ветер треплет отставший лист железа на крыше. Он смотрел на вращающийся диск бобины. Она остановилась не сразу. По инерции сделала еще четверть оборота.

И подпись. Размашистая, чернильная. Рядом еще одна. Врача. И печать треугольная. Алексей почувствовал холод в кончиках пальцев. Он поднес руку к лампе на столе, хотел включить, но вспомнил, что она не горит. Света фонарика телефона хватало только на стол и бобины. Углы комнаты тонули в густой, почти осязаемой тьме. Там, в темноте, лежали папки. «Секретно». «Хранить вечно». «Снять копию запрещено». Он встал. Ноги затекли. Он подошел к стеллажу с папками. Провел пальцем по корешкам. Пыли не было. Дед убирался здесь перед смертью. Знал, что уходит. Папка под номером 1. Год 1965. Он вытащил ее. Внутри — машинописные листы на папиросной бумаге. Слепой шрифт, буквы прыгают. «Акт о проведении сеанса психокоррекции... Объект: Беляев П. С., машинист электродепо... Увидел транспортировку спецгруза в тоннеле метро в неустановленное расписанием время... Рекомендовано: полное замещение эпизода воспоминанием о поломке состава и длительном ожидании в темноте... Исполнитель: Тихонов И. С. Подпись».

Он жив еще? Наверное, уже нет. Ему тогда было сорок. Сейчас было бы сто. Но дело не в нем. Дело в том, что делал дед. Алексей перевернул страницу. Внутри лежала фотография. Маленькая, черно-белая, с волнистыми краями. Мужчина лет сорока, в ватнике, стоит на фоне кирпичной стены. Лицо спокойное. Глаза пустые. Сзади надпись карандашом: «Беляев П. С. После сеанса. 12.02.65».

Под столом, приклеенная скотчем к нижней стороне столешницы, висела записная книжка. И пистолет. Алексей вернул папку на место. Рука дрогнула, и он задел соседнюю

коробку с бобинами. Коробка упала. Пленка размоталась, коричневой змеей выскользнув на пол. Алексей чертыхнулся, нагнулся. И замер.

Адреса. Телефоны. Шифры. На последней странице, выведенное каллиграфическим почерком деда, стихотворение. Или инструкция: Он оторвал скотч. Книжка была в коленкором переплете, с замусоленными уголками. Алексей раскрыл ее.

Не верь тому, кто помнит всё». «Кто в дом войдет без стука, Тому не слышать звука. Кто старый сон встревожит, Тот спать уже не сможет. Смотри на свет сквозь воду, Узнаешь всю погоду. Ищи не там, где слышно, А там, где вовсе тихо. Вера. Нить. Внук. Обрыв.

Он не взял пистолет. Он положил его обратно под стол и приклеил скотчем. Но записную книжку сунул во внутренний карман пальто. Пистолет был старый. «ТТ». Вороненый ствол, накладки на рукояти потертые до желтизны. Магазин полный. Восемь патронов. Маслянистые, тяжелые.

Алексей стоял в темноте, слушая, как стучит сердце. Стучало оно гулко, отдавая в виски. Провалы. Дед написал про провалы. Он вспомнил утро вторника. Он проснулся, пошел на кухню варить кофе. А потом оказался в метро, на станции «Киевская», и не помнил, как проехал семь остановок. Списал на усталость. На смерть деда. На стресс. Он выключил магнитофон. Лампа индикатора погасла. Комната погрузилась в абсолютный мрак. Только прямоугольник двери в коридор серел далеким светом с лестничной клетки.

Теперь он понял. Это началось. Наследство.

Он закрыл дверь на ключ. Долго возился с замком, потому что руки слушались плохо. Вышел из квартиры, проверил, заперта ли входная дверь. Три оборота. Спустился по лестнице. Во дворе было пусто. Мусорные баки переполнены. Ветер гонял обрывок газеты.

За рулем сидел человек. В шляпе. Он не смотрел на Алексея. Он курил, стряхивая пепел в приоткрытое окно. Но Алексей знал, что человек его видит. Краем глаза. Как видят охотники дичь, не поворачивая головы. Алексей поднял воротник пальто. Пошел к арке, ведущей на Петровку. У выхода из арки стояла машина. «Волга» ГАЗ-24. Темно-синяя, почти черная. Номер грязный, заляпанный намеренно. Двигатель работал. Из выхлопной трубы в холодный воздух поднимался белый пар.

Он знал, что вернется в ту комнату завтра. Ему нужно было найти пленку номер два. Ему нужно было узнать, кто такая Вера. И почему дед, который умел стирать память всем, не смог стереть её себе. Он прошел мимо. Не ускоряя шаг. Руку в кармане сжал на записной книжке деда. Угол коленкора врезался в ладонь. «Волга» не тронулась с места. Она осталась стоять у арки, урча мотором. Алексей свернул за угол, к шумной улице. Только там он выдохнул. Пар изо рта смешался с выхлопными газами троллейбусов.

Он не мог ей сказать. Пока не мог. Над городом висел низкий, свинцовый закат. Такой бывает только в ноябре, когда снег еще не выпал, но уже обещает. Он сел в троллейбус. В салоне пахло мокрой одеждой и перегаром. В кармане завибрировал телефон. Сообщение от матери: «Ты где? Поминали в 4. Тебя нет». Он написал: «Был у нотариуса. Еду».

Алексей подумал о людях, лежащих в «Архиве» на катушках. Они тоже думают, что помнят свою жизнь. Но их жизнь — это кленовая ветка вместо ножа, дождь в парке вместо выстрела, поломка поезда вместо спецгруза в тоннеле. Они спят с открытыми глазами всю жизнь. И даже не знают об этом. Троллейбус дернулся и поехал в сторону Садового кольца. За окном мелькали витрины и мокрые лица прохожих. Все они помнили сегодняшний день. Вчерашний. Свои долги, свои обиды, свои радости.

«Это не болезнь. Это наследство», — вспомнил он строку из письма. Он снова почувствовал, как внутри черепа что-то сдвигается. Легкое, почти неуловимое головокружение. Словно кто-то взял и вырезал кусочек реальности лезвием, склеив края пленки скотчем. Мир стал на секунду плоским и серым. Потом краски вернулись. Троллейбус стоял на светофоре. Он не помнил, как они проехали Тверскую. Пять минут жизни исчезли.

Он должен был узнать все. Иначе в один прекрасный день он проснется в незнакомом городе и не вспомнит, кто он такой. Или еще хуже — вспомнит чужую жизнь, которую вложили ему в голову, пока он спал. Рука в кармане сильнее сжала записную книжку.

Где-то там, в лабиринтах Петровки, в замурованной комнате без окон, тихо гудел остывающий трансформатор магнитофона «Тембр-2М», ожидая, когда внук чистильщика вернется, чтобы нажать на «Пуск» во второй раз. За окном троллейбуса зажглись первые фонари. Их желтый свет отражался в лужах на асфальте. Город готовился к ночи.

Молоко на пленке

Алексей проснулся в пять утра. Сам. Без будильника. В голове звенела пустота, какая бывает после долгой бессонницы, хотя спал он часов шесть. Сны не помнил. Вообще. Будто выключили свет и снова включили. На следующий день пошел снег. Он падал крупными, тяжелыми хлопьями, оседал на проводах и карнизах, глушил звуки. Город стал тише. Только шины машин шуршали по мокрой каше на асфальте.

На столе лежала записная книжка деда. Коленкоровая обложка чуть намочила от вчерашнего снега, уголки загнулись. Алексей раскрыл ее на первой странице. Он лежал и смотрел в потолок. Потолок был белый, с трещиной в углу. Трещина шла от люстры к окну, как русло пересохшей реки. Он смотрел на нее каждое утро уже семь лет. Но сегодня она показалась ему другой. Более резкой. Более темной. Он встал. Прошел на кухню. Включил чайник. Налил воды из-под крана. Вода была холодная, пахла хлоркой.

И снова записи. Но уже другой рукой. Женской. Буквы круглые, старательные, с наклоном влево. Так пишут левши, которых перечивали в школе. Почерк был разный. Не только деда. Первые десять страниц — адреса и телефоны. Написано четко, с нажимом. «Склад № 4. Петровка, 17. Семеныч». «Аптека. Круглосуточно. Врач Соколова». «Гараж. Смена шин. Дядя Коля». Дальше шли шифры. «Объект 12-Г. Сеанс 4. Соппротивление высокое». «Объект 19-Д. Регрессия до 1943 года. Опасно». Потом пустые страницы.

«Ваня. Молоко купила. Хлеб тоже. Буду ждать у Киевского в шесть. Вера».

Это было не «объект». Это было что-то другое. Алексей перечитал трижды. Вера. Та самая. Объект Сомова Вера Андреевна. 1943 года рождения. Женщина, которой дед стирал память в 1976-м. И она ждала его у Киевского вокзала. Покупала ему молоко и хлеб.

Он пил чай и смотрел в окно. Во дворе дворник в оранжевом жилете скреб лопатой асфальт. Снег все падал и падал, и работа его была бессмысленной. Через час снова наметет. Чайник закипел и выключился с громким щелчком. Алексей вздрогнул. Налил кипяток в кружку с пакетиком чая. Чай был дешевый, пыльный, сразу окрасил воду в темно-коричневый.

Нужно было ехать на Петровку. Нужно было слушать вторую пленку. Но сначала — мать. Вчера он соврал ей про поминки. Сегодня она позвонит снова.

Он положил трубку. Он набрал ее номер. Гудки шли долго. Потом щелчок. — Да, Леш. — Мам, привет. Прости за вчера. Задержался у нотариуса. Дед оставил... бумаги кое-какие. Квартиру старую на Петровке. Надо разобрать. — Какую квартиру? — голос у матери стал острым. — У него не было квартиры на Петровке. Он всю жизнь на Кутузовском прожил. Сначала с нами, потом один. — Была. Довоенная. Он ее не продавал. Мам, ты знала, что дед работал не бухгалтером? Пауза. Длинная. Слышно было, как на заднем плане у матери шипит радио. Старая «Спидола» на кухне. Она не выключала ее никогда. — Он был бухгалтером. В тресте столовых. Потом в ЖЭКе. Пенсия у него была восемьдесят два рубля. Я сама документы на похороны оформляла, видела трудовую. — Трудовая книжка может врать. — Леша, что ты несешь? Какая трудовая? Дед был тихий человек. Всю жизнь в цифрах. Ты сам знаешь. Он тебя учил считать на счетах. — На счетах, — повторил Алексей. — Да. На счетах. Он помнил. Деревянные костяшки, потемневшие от времени. Дед сажал его на колени и говорил: «Смотри, Лешка. Это единицы. Это десятки. Это сотни. А это — ноль. Ноль — самое важное. Ноль — это пустота. С нее все начинается». — Ты какой-то дерганый, — сказала мать. — Смерть деда на тебя так подействовала? Ты с ним и виделся-то раз в год. — Нормально все. Я просто устал. Разберу квартиру и успокоюсь. — Там осторожно. Дома старые, проводка гнилая. Смотри не суйся куда не надо. — Хорошо, мам.

Мать не знала. Или знала, но молчала. Второе было вероятнее. Она всегда молчала, когда речь заходила о работе отца. «Папа много работал, Лешенька. Папа уставал. Не приставай к

нему с вопросами». Он и не приставал. Дети чувствуют, когда не надо спрашивать. Они просто перестают заходить в комнату, где сидит взрослый с пустыми глазами.

Он вышел из дома в восемь утра. Снег уже лег плотным слоем, скрыв грязь и окурки на тротуаре. Мир стал чище. Ненадолго. Алексей оделся. Старое пальто, шарф, шапка. Сунул в карман записную книжку. Проверил ключи. Они были на месте. Тяжелая связка с длинным стальным ключом от замурованной комнаты.

Человек не смотрел на Алексея. Он читал газету. Но Алексей почувствовал холод между лопаток. Тот самый холод, какой был вчера, когда он проходил мимо темно-синей «Волги» у арки. На Петровку он поехал на метро. Вагон был полупустой. Люди дремали, привалившись к окнам, или смотрели в телефоны. На станции «Тверская» в вагон вошел человек в сером пальто и шляпе. Алексей не сразу его заметил. Человек сел напротив, раскрыл газету. «Вечерняя Москва». Старая, мягкая, словно ее читали уже раз десять. Алексей скользнул по нему взглядом. Лицо обычное. Никаких примет. Лет пятьдесят. Усы. Очки в тонкой металлической оправе. Шляпа низко надвинута на лоб.

Может, показалось. Может, обычный пассажир с обычной газетой. Но в «Вечерней Москве» не пишут ничего интересного уже лет двадцать. Поезд затормозил на «Чеховской». Человек в шляпе не вышел. Алексей тоже. Они ехали дальше. «Цветной бульвар». Человек перевернул страницу. «Менделеевская». Человек сложил газету и сунул ее в карман пальто. Алексей решил проверить. На «Савеловской» он резко встал и вышел в последний момент, когда двери уже закрывались. Человек в шляпе остался в вагоне. Поезд уехал. Алексей стоял на платформе и смотрел вслед составу. Человек даже не обернулся.

Он пересел на встречный поезд и доехал до «Пушкинской». Дальше пешком. Снег скрипел под ногами. Двор на Петровке был пуст. «Волги» у арки не было. Только старый «Москвич» с провалившимися колесами, занесенный снегом по самые окна. Стоял тут, наверное, с прошлой зимы.

Алексей прошел в коридор. Дверь в замурованную комнату была закрыта. Он вставил длинный ключ. Отпер. Он поднялся на четвертый этаж. Ключ повернулся в замке. В квартире было холодно. Так холодно, что пар изо рта висел в воздухе белым облаком. Батареи чуть теплые, едва живые. Дед, видимо, не платил за отопление. Или система старая, чугунная, забитая ржавчиной.

Он замер на пороге. Кто-то был здесь. Кто-то вкрутил новую лампочку. Или починил проводку. Или просто вкрутил старую обратно, но она заработала. Так не бывает. В комнате горел свет. Лампа под жестяным абажуром. Тусклая, сорокаваттная, но горела. Вчера она не работала. Алексей точно помнил — он щелкал выключателем, света не было. Он светил фонариком телефона.

Кто-то был здесь ночью. Кто-то убрал окурки. Кто-то переставил пачку. Он медленно вошел. Осмотрелся. Все на местах. Стеллажи с папками. Коробки с бобинами. Магнитофон «Тембр-2М» на столе. Пепельница с бычками. Но что-то изменилось. Пепельница была чистая. Вчера она была полна окурков «Беломара». Он запомнил это точно. Пустая пачка «Казбека» лежала на столе. Сейчас пачка стояла вертикально, прислоненная к корпусу печатной машинки.

Он точно помнил. Женский голос: «У него были мертвые глаза». Щелчок. Конец записи. Он сам нажал «Стоп». Алексей сел на венский стул. Стул скрипнул. Он положил руки на стол. Ладони легли на холодное дерево. Следов на пыли не было. Никаких. Пол был чисто выметен. Он посмотрел на магнитофон. Бобина «Последнее» стояла на месте. Пленка была перемотана на начало. Вчера он оставил ее на середине.

Теперь пленка была отмотана к началу. К словам: «Запись номер один. Контрольная. Объект: Сомова Вера Андреевна...»

Он резко встал, подошел к двери. Осмотрел замок. Царапин нет. Смазка свежая. Ключ у него один. Второй был у деда. Где второй ключ? Он не подумал об этом вчера. Дед умер в больнице. Вещи отдали матери. Мать сказала, что в карманах пальто были только носовой платок и мелочь на проезд. Ключей не было. Алексей почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Не от страха. От злости. Кто-то трогал его наследство. Кто-то знал о комнате. Кто-то ждал, пока он уйдет, чтобы войти и навести порядок.

Он развернул лист. Он вернулся к столу. Сел. Взял коробку с надписью «Последнее». Под бобиной, на дне коробки, лежал сложенный лист бумаги. Вчера он его не заметил. Или его там не было.

Тот же дрожащий почерк деда. Но чернила другие. Не синие, а черные. И строчки прыгали сильнее. Рука дрожала.

Дед». «Леша. Если ты нашел эту записку, значит, ты вернулся. Это хорошо. Значит, ты не испугался. Или испугался, но пришел снова. Это тоже хорошо. Страх — это просто информация. Она говорит тебе, что ты жив. Ты заметил, что в комнате порядок. Не бойся. Это не враги. Это друг. Он приходит раз в неделю. Протирает пыль. Меняет лампочки. Он не читает папки. Он не слушает пленки. Он просто хранит место. Я платил ему двадцать лет. Теперь платить некому. Но он придет еще пару раз. По привычке. Не пугай его. Он глухонемой. Зовут Степан. Фамилию не знаю. Он был уборщиком в том институте. В том самом. Слушай пленку № 2. Она под столом, в коробке из-под обуви. Там же лежит конверт с деньгами. Это тебе. На первое время. Не трать все сразу. И еще. Ты видел «Волгу» у арки. Не смотри в ее сторону. Не ищи тех, кто в ней сидит. Они сами тебя найдут, когда будет нужно. А пока — слушай пленки. В них ответы.

Алексей перевернул лист. На обороте была приписка, сделанная совсем слабой рукой, карандашом, почти неразборчиво:

«Вера. Она жива. Ищи ее. Она — ключ к твоей голове. Провалы будут чаще. Когда начнешь забывать свое имя, найди Веру. Она помнит все. Даже то, что я велел ей забыть. Я не смог стереть ее до конца. Потому что любил. Прости. Я был плохим чистильщиком. Но хорошим человеком. Надеюсь».

Любил. Дед любил объект. Женщину, которой он должен был стереть память. И не стер. Или стер, но не до конца. Или сделал вид, что стер, а сам... Что сам? Спасал ее всю жизнь. Подменял документы. Так было сказано в аннотации, которую он придумал себе сам, еще до того, как открыл дверь в эту комнату. Он положил лист на стол. Разглядел ладонью. Бумага была тонкая, почти прозрачная. Сквозь нее просвечивало дерево столешницы.

И фотография. Алексей нагнулся и заглянул под стол. Там, приклеенная скотчем, все еще висела записная книжка и «ТТ». А рядом стояла картонная коробка из-под обуви. «Скорход». Размер 42. Он оторвал скотч, достал коробку. Открыл. Сверху лежал коричневый конверт. Внутри — пачка денег. Старые, еще советские купюры по сто рублей. И несколько пачек новыми, пятитысячными. Всего тысяч триста, на глаз. Под деньгами — бобина с наклейкой «№ 2. Вера. 1977-1983».

Он перевернул фотографию. На обороте надпись: «Ване от Веры. Июль 1978. Спасибо за молоко». Он взял фотографию. Цветная, но выцветшая до бледно-розовых тонов. На снимке — женщина лет тридцати пяти. Темные волосы, убранные под косынку. Глаза светлые, серые или голубые, не разобрать. Улыбается. Стоит на фоне реки. За спиной — перила моста. Москва-река. Где-то в районе Краснопресненской набережной. Женщина держит в руке букет ромашек. Лето. Солнце. Мирная картинка.

Молоко. Опять молоко. В записной книжке: «Ваня. Молоко купила. Хлеб тоже». Что за навязчивая деталь? Может, у них был какой-то код. Молоко — значит, все чисто. Хлеб — значит, есть опасность. Или наоборот. Или никакого кода, просто женщина покупала мужчине молоко и хлеб, потому что он был одинокий и забывал есть.

Нажал «Пуск». Алексей отложил фотографию. Взял бобину № 2. Поставил на магнитофон. Протянул пленку через головки. Руки делали это уже увереннее. Навык возвращался.

Шипение. Щелчок. Голос деда. Но другой. Не такой, как на первой пленке. Там он был врачом. Холодным, точным. Здесь он был просто человеком. Усталым.

Я стер ей вечер. Но оставил себя. Она помнит меня. Только меня. И нож. Нож она помнит тоже. Он снится ей. Она просыпается в холодном поту и не может вспомнить, откуда этот сон. Но она знает. Где-то глубоко. Под слоем моего голоса. Под шумом дождя в парке Горького». «12 марта 1977 года. Я, Тихонов Иван Степанович, записываю это для себя. Не для отчета. Для памяти. Моей памяти. Потому что я начинаю забывать. Это профессиональное. Мы все забываем. Те, кто чистит других. Мы впитываем их страх. Их картинки. Их сны. Это как работать с ртутью. Она проникает в кровь. Незаметно. А потом ты просыпаешься и не помнишь, какой сегодня день. Сегодня я видел Веру. Она ждала меня у Киевского вокзала. Я не договаривался с ней. Она сама пришла. Она всегда приходит. Говорит, что чувствует, когда я теряюсь. Мы сидели в буфете на втором этаже. Она пила чай с лимоном. Я смотрел на ее руки. У нее красивые руки. Пальцы музыканта. Она могла бы играть на пианино, но работает швеей. Шьет на дому. Заказы от ателье. Я спросил: «Вера, что ты помнишь о мае 76-го?» Она улыбнулась: «Дождь. Я гуляла в парке Горького и упала. Ударилась головой. Ты же знаешь, ты мне сто раз рассказывал». Я кивнул. Я сам вложил в нее эту память. Кленовую ветку. Дождь. Падение. Я старался. Я был лучшим. У меня была нулевая ремиссия. Ни один объект не восстанавливал истинную картину. Кроме нее. Она помнит. Я вижу это по глазам. Когда она говорит про парк, ее зрачки сужаются. Так бывает, когда человек врет. Или когда он боится. Она не врет мне. Она боится за меня. Она знает, что если я узнаю правду, меня уберут. Но я уже знаю правду. Я знаю, что она видела в тот вечер. Она видела человека с ножом. И кровь на рукаве. И мертвые глаза. Она видела ликвидацию. Несанкционированную. Мокрую. Без моего ведома. Ее должны были убрать как свидетеля. Но я сказал, что сам все сделаю. Я сказал, что сотру ее начисто. Они поверили. Они всегда верили мне. Потому что я ни разу не ошибался. Я ошибся только с ней. Потому что не смог. Потому что она посмотрела на меня в той палате и сказала: «У вас добрые глаза. Вы не сделаете мне больно?» И я не сделал.

Запись прервалась. Тишина. Потом снова голос деда, но уже более бодрый, почти веселый:

«Купил сегодня молоко. Сам. Вера будет смеяться. Она говорит, что я покупаю не то молоко. Слишком жирное. Ей нужно три процента, а я беру пять. Ничего. Пей, Вера, толстей. Тебе идет».

Щелчок. Конец.

Она жива. Где она сейчас? Если ей было тридцать пять в 1978-м, сейчас ей за восемьдесят. Может, уже нет в живых. Но дед в записке написал: «Она жива». Он умер неделю назад. Значит, неделю назад она была жива. Алексей остановил магнитофон. В комнате снова стало тихо. Лампа под абажуром чуть гудела. Наверное, трансформатор в магнитофоне грелся, создавая помехи в сети. Он сидел и смотрел на фотографию Веры. Ромашки. Река. Улыбка. Женщина, которая помнила нож и добрые глаза человека, который должен был стереть ей память.

Он поставил папку на место. Вытащил другую. 88-А. 1981 год. Объект: Петрова А. Н., врач скорой помощи. Приехала на вызов раньше времени. Увидела людей в штатском. Детали замазаны. Рекомендовано: замещение эпизода ложным вызовом в другой адрес. Исполнитель: Тихонов И. С. Алексей встал. Прошелся по комнате. Три шага в одну сторону, три в другую. Больше не развернуться. Стеллажи сжимали пространство. Тысячи часов чужих жизней. Тысячи украденных воспоминаний. Он остановился у полки с папками. Вытащил наугад. Номер 37-Б. Год 1972. Объект: Гаврилов С. Т., старший лейтенант милиции. Увидел то, что не должен был видеть в подвале жилого дома. Детали замазаны черным фломастером. Рекомендовано: полная амнезия эпизода. Исполнитель: Тихонов И. С. Подпись.

Алексей вспомнил: дед уволился из ЖЭКа в 1982-м. Мать говорила: «Папу сократили. Он очень переживал. Стал замкнутым». Он не был сокращен. Он просто перестал чистить. Или его перестали допускать. Потому что он начал забывать. Потому что ртуть проникла в кровь. Дед работал до 1981-го. А потом что? Ушел на пенсию? Или его ушли?

Нужно было идти. Воздух в комнате стал тяжелым, спертым. Пахло старой бумагой и еще чем-то сладковатым. Может, плесенью. Может, временем. Он закрыл коробку с деньгами. Сунул в карман пальто конверт с купюрами. Фотографию Веры положил в записную книжку. Бобину № 2 оставил на магнитофоне.

Алексей пошел прямо к машине. Шаг. Второй. Третий. Он не знал, зачем идет. Просто ноги сами несли. Страха не было. Была злость. Кто эти люди? Почему они следят? Чего ждут? Он погасил свет. Вышел в коридор. Запер дверь на длинный ключ. Проверил входную дверь. Запер на все три оборота. Спустился по лестнице. Во дворе все так же падал снег. «Москвич» с провалившимися колесами стал похож на белый холмик. У арки стояла «Волга». Темно-синяя. Двигатель работал. Выхлопной пар поднимался вверх и смешивался со снегом. За рулем сидел тот же человек в шляпе. Или другой. Не разобрать. Стекло было запотевшее, мутное.

Человек поднял руку. В руке был бумажный стаканчик с кофе. Он сделал глоток. Потом опустил стекло на пару сантиметров. Он подошел к водительской двери. Нагнулся, чтобы заглянуть в салон. Стекло было мутное, но сквозь запотевание он увидел лицо. Обычное лицо пожилого мужчины. Усы. Очки в тонкой оправе. Тот самый человек из метро. С газетой «Вечерняя Москва». Человек повернул голову и посмотрел прямо на Алексея. Взгляд был спокойный, усталый. Как смотрят врачи на пациента, который задает слишком много вопросов.

— Потому что вы — его копия. Вы так же слышите то, что между словами. Вы так же забываете свое имя к вечеру. И вы так же не сможете стереть ту, кого полюбите. А это приговор, Алексей Иванович. Для чистильщика — приговор. — Алексей Иванович, — сказал он. Голос был глухой, прокуренный. — Вы бы шли домой. Холодно. А деда вашего мы уважали. Он был лучший. Не позорьте его глупостями. — Кто вы? — спросил Алексей. — Никто. Просто сторож. Охраняю то, что осталось. — От кого? — От вас, Алексей Иванович. От вас в первую очередь. Вы же внук. Вам положено искать. Но не положено находить. Так устроено. Дед ваш знал. Потому и спрятал все в комнате без окон. Думаете, он боялся, что мы придем? Нет. Он боялся, что придете вы. — Почему?

«Волга» тронулась с места мягко, без пробуксовки. Выехала из арки на Петровку и растворилась в снежной пелене. Человек допил кофе, смял стаканчик и бросил его на пассажирское сиденье. Стекло поползло вверх, отрезая салон от улицы.

Он слышал это. Вчера. Но не придавал значения. Списал на помехи. Алексей остался стоять у арки. Снег падал на плечи, на шапку, таял на лице. Он смотрел на пустую дорогу. Слова сторожа крутились в голове. «Вы так же слышите то, что между словами». «Вы так же забываете свое имя к вечеру». Что значит «между словами»? Он вспомнил первую пленку. Голос деда. Там, где он говорил «Вы шли через парк Горького. Был дождь», был еще какой-то звук. Еле слышимый. На грани восприятия. Фон. Не шум пленки. Что-то другое. Как будто кто-то шептал под основным текстом. Второй слой. Частота, которую слышит не ухо, а что-то другое внутри головы.

Это был не гипноз. Это было что-то другое. Что-то, чему не учили в институтах. Что-то, что передавалось по крови. Теперь он понял. Дед не просто стирал память словами. Он записывал на пленку два трека одновременно. Один — для сознания. Второй — для подсознания. Для того, что «между словами». И слышать это могли только такие, как он. Такие, как дед. Такие, как сам Алексей.

Если это вообще можно было остановить. Он повернулся и пошел к метро. Снег скрипел под ногами. В голове звенело. Ему нужно было найти Веру. Старую женщину, которая помнила

нож и добрые глаза. Она была единственным человеком, который мог объяснить, что с ним происходит. И как это остановить.

Где-то здесь, сорок лет назад, женщина по имени Вера покупала молоко и хлеб для человека, который стирал память другим. И ждала его у входа. Всегда ждала. В метро он сел в угол вагона. Закрыв глаза. Перед внутренним взором всплыла картинка: женщина с ромашками на фоне реки. Лето. Солнце. И голос деда: «Я ошибся только с ней. Потому что не смог». Поезд качало. Люди входили и выходили. Объявляли станции. На «Киевской» он открыл глаза. Кольцевая. Переход на Филевскую линию. Толпа. Он встал и вышел. Поднялся по эскалатору. Вышел в город. Снег все падал. Киевский вокзал возвышался серой громадой с часами на башне. Стрелки показывали полдень.

Алексей постоял у вокзала минут десять. Потом развернулся и пошел обратно в метро. Искать старуху в десятиmillionном городе, зная только имя и примерный год рождения, было безумием. Но другого пути не было. Провалы в памяти становились чаще. Сегодня утром он забыл, какой день недели. Пришлось посмотреть в телефоне.

Он ехал домой и думал о том, что сказал сторож в «Волге». «Дед ваш боялся, что придете вы». Значит, дед знал, что наследство — это не только ключи от квартиры и пачки денег. Это еще и болезнь. Это еще и способность слышать шепот под словами. Это еще и охота, которая начнется, как только он сунет нос в архив.

Он полезет глубже. Он уже решил. Охота уже началась. «Волга» у арки была предупреждением. Сторож с газетой — наблюдателем. Они не трогали его. Пока. Они ждали, что он сделает дальше. Испугается и бросит? Или полезет глубже?

Сегодня он объедет их все. Дома он достал из кармана записную книжку деда. Раскрыл на странице, где был адрес: «Аптека. Круглосуточно. Врач Соколова». Аптека. Врач. Может, она еще работает. Может, она знала деда. Может, она знает, где Вера. Он посмотрел на часы. Половина первого. День только начинался. Он налил себе чаю. Сел за стол. Открыл телефон, набрал в поиске: «Аптека круглосуточно Соколова Москва». Поисковик выдал три адреса. Один на Таганке, один в Измайлово, один на Бауманской. Он записал все три в блокнот. Допил чай. Встал. Оделся.

Алексей вышел из дома и захлопнул за собой дверь. За окном все падал снег. Густой, белый, бесконечный. Он заметал следы, машины, крыши, прошлое. Но не память. Память нельзя замести снегом. Ее можно только стереть. Или спрятать в коробку из-под обуви на нижней полке замурованной комнаты.

Врач Соколова

Аптека на Таганке оказалась закрыта. На двери висел лист ватмана, приклеенный скотчем. На нем фломастером было выведено: «Ремонт. Откроемся через месяц». Буквы расплылись от сырости. Месяц тянулся, судя по состоянию бумаги, уже полгода.

Алексей постоял у двери, заглянул сквозь пыльное стекло внутрь. Пустые полки. Перевернутый стул. Рулон обоев в углу. Никакой Соколовой здесь не было и быть не могло.

Он сел в троллейбус и поехал в Измайлово. Снег за окном то усиливался, то слабел. Город тонул в белой каше. Люди на остановках топтались, поднимали воротники, прятали лица в шарфы. Все спешили укрыться.

Вторая аптека работала. Маленькое помещение в цокольном этаже хрущевки. Пахло лекарствами и кошачьей мочой. За прилавком сидела женщина лет шестидесяти, крашенная в рыжий цвет. Она вязала шарф. Спицы мерно постукивали.

— Мне нужна врач Соколова, — сказал Алексей.

Женщина подняла глаза. Они были выцветшие, голубые, равнодушные.

— Я Соколова. Но не врач. Фармацевт. Рецепты не выписываю. Что болит?

— Вы знали Тихонова Ивана Степановича?

Спицы остановились. Женщина посмотрела на Алексея внимательнее. Потом перевела взгляд на дверь, за его спину. На улице никого не было. Только снег.

— Тихоновых много, — сказала она. — У нас на районе три семьи Тихоновых. Один алкаш, один таксист, один стоматолог. Вам какой?

— Бухгалтер. Бывший. С Петровки.

— Петровка не наш район. Мы Измайлово обслуживаем. Вы ошиблись, молодой человек.

Она снова взялась за спицы. Шарф был длинный, серый, скучный. Петли ложились ровно, машинально.

Алексей понял, что она врет. Не глазами. Глаза у нее были честные, пустые. Она врала голосом. Интонация изменилась. На слове «Петровка» она чуть запнулась. На долю секунды. Обычный человек не заметил бы. Но Алексей заметил. Он слышал то, что между словами.

— Я сын его дочери, — сказал он. — Внук. Дед умер неделю назад. Оставил записную книжку. Там ваш адрес. И слово «врач».

Женщина отложила вязание. Вздохнула. Сняла очки, висевшие на цепочке, протерла их краем халата.

— Умер, значит, — сказала она тихо. — Жалко. Хороший был человек. Станный, но хороший.

— Вы его знали.

— Знала. Давно. Очень давно. Еще когда он в тресте столовых работал. Я тогда в поликлинике медсестрой была. Он приходил давление мерить. У него с сердцем было плохо. Все время шутил, что у бухгалтеров сердце лопается от чужих денег.

Она замолчала. Поправила выбившуюся прядь рыжих волос.

— Но вы не за этим пришли, — сказала она. — Вы пришли про другое. Про то, что было после треста.

— Да.

— Я не знаю, что было после треста. Он уволился в восемьдесят втором. И пропал. На десять лет пропал. Потом появился. Седой весь. Молчаливый. Сказал: «Зина, если что, у меня аптека знакомая в Измайлово. Зайди, скажи, что от меня. Тебе скидку сделают». Я зашла. Мне скидку сделали. А через год он пришел снова и попросил оставить у меня кое-что. На хранение.

— Что?

Женщина встала. Подошла к двери, заперла ее на щеколду. Перевернула табличку «Открыто» на «Закрыто». Вернулась за прилавок. Наклонилась и достала из-под кассы жестяную коробку из-под монпансье.

— Вот. Сказал: «Если придет внук и спросит про врача Соколову, отдай. Если кто другой — скажи, что ничего не знаешь».

Она протянула коробку. Алексей взял ее. Жесть была холодная, чуть ржавая по краям. На крышке — картинка: девочка в кокошнике и медведь с балалайкой. Леденцы фабрики «Красный Октябрь».

— Что внутри?

— Не знаю. Не открывала. Иван Степанович сказал: не открывай. Я человек старой закалки. Если сказано не открывать, значит, не открываю.

Алексей кивнул. Положил коробку во внутренний карман пальто. Она была легкая, почти невесомая.

— Спасибо, Зинаида...

— Петровна. Зинаида Петровна Соколова. Врачом меня Иван Степанович называл в шутку. Говорил: «Ты, Зина, лучше всякого врача. Ты людям не таблетки, а надежду продаешь. А надежда — главное лекарство». Красиво говорил. Жаль, что врал.

— Почему врал?

— Потому что надежду продать нельзя. Ее можно только украсть. Или подарить. Он дарил. Мне подарил однажды. Когда я мужа хоронила. Пришел, сел рядом, молчал час. Потом сказал: «Он не умер. Он спит. И видит тебя во сне. Не буди его своим горем. Пусть спит спокойно». Глупость, конечно. Но мне полегчало. Я перестала реветь и пошла работать. Вот так.

Она снова взялась за спицы. Шарф рос. Серая шерсть, серая жизнь.

— Идите, молодой человек. И будьте осторожны. За Иваном Степановичем всю жизнь ходили какие-то люди. Вежливые, в шляпах. Он их не боялся. А я боялась. Потому что у вежливых людей глаза пустые. Как у кукол. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Вот и хорошо. Идите.

Алексей вышел из аптеки. Снег на улице стал мокрым, тяжелым. Он падал с неба серыми хлопьями, сразу таял на асфальте, образуя лужи. Зима никак не могла решиться, быть ей зимой или осенью.

Он отошел за угол, встал под козырек закрытого киоска «Союзпечать». Достал коробку из-под монпансье. Открыл.

Внутри лежал сложенный в несколько раз лист ватмана. И маленький ключ. Латунный, с бородкой причудливой формы. Не плоский, а круглый в сечении. Такими ключами запирают сейфы или старые почтовые ящики.

Он развернул ватман. Это был план. Нарисованный от руки, тушью, очень подробно. План местности. Река. Мост. Дорога. Крестиком отмечено здание на берегу. Рядом надпись почерком деда: «Дом Веры. Ключ от сарая».

И координаты. Широта и долгота. Написано карандашом, почти стертым.

Московская область. Рузский район. Берег Москвы-реки. Деревня Старое. Всего одно здание на спутниковом снимке. Дом. И правда, сарай во дворе. Алексей достал телефон. Открыл карты. Вбил координаты. Телефон думал несколько секунд. Потом высветил точку.

Восемьдесят километров от Москвы. Час езды на машине. У него не было машины. Значит, электричка. С Белорусского вокзала. Потом автобус. Или пешком.

Он посмотрел на время. Половина третьего. Если выехать сейчас, к вечеру будет на месте. Ночевать придется там. Или возвращаться ночью. Ночью в незнакомой деревне делать нечего. Завтра. Он поедет завтра утром.

Алексей убрал план и ключ обратно в коробку. Коробку — в карман. Пошел к метро.

В вагоне он снова закрыл глаза. Провал случился между «Курской» и «Таганской». Он открыл глаза, а поезд стоял на «Площади Ильича». Он не помнил, как проехал три станции. В ушах звенело. Во рту был металлический привкус.

Люди вокруг читали, спали, слушали музыку. Никто не замечал, что человек напротив только что потерял десять минут жизни. Или не десять минут. Что, если больше? Что, если он потерял час? День? Неделю? Он сглотнул. Привкус не прошел.

Пока он достал телефон. Посмотрел на дату. Четверг. Сегодня четверг. Вчера была среда. Он помнил среду. Утро, аптека, разговор с Зинаидой Петровной. Это было сегодня. Значит, потеряно только десять минут.

На «Киевской» он сделал пересадку. Вышел на кольцевую. Толпа несла его по переходу. Люди спешили. У них была работа, дела, семьи. У них была память. Целая, неразрезанная, не прошедшая через бобины «Тембра-2М».

Он подумал о деде. Каково это — каждый день забирать у людей куски их жизни? Сначала, наверное, страшно. Потом привыкаешь. Потом становится все равно. А потом ты встречаешь женщину с испуганными глазами, которая говорит: «У вас добрые глаза. Вы не сделаете мне больно?» И ты не можешь. И все летит к чертям.

Дома он включил чайник. Сел за стол. Достал коробку из-под монпансье. Вынул план. Разложил на столе, прижал углы кружкой и солонкой.

Дед рисовал тщательно, как чертежник. Линия реки — синяя тушь. Дорога — черная, пунктир. Дом — красный квадрат. Сарай — коричневый прямоугольник. Вокруг — зеленые кружочки, деревья. И крестик у самого берега. «Причал. Лодка».

Значит, у Веры была лодка. Или есть. Может, она до сих пор живет там. Старуха в деревне на берегу реки. Шьет на дому. Пьет чай с лимоном. Помнит нож и добрые глаза.

Он представил ее. Маленькая, сухонькая, с седыми волосами, убранными под платок. Руки в цыпках от стирки и шитья. Глаза светлые, выцветшие от времени и слез. Она сидит у окна и смотрит на реку. Ждет. Чего ждет? Может, того самого человека, который когда-то сказал ей: «Вы шли через парк Горького. Был дождь». А она знала, что не было никакого парка. Были мертвые глаза и нож.

Алексей налил чай. Отпил. Чай был горячий, обжигал язык. Он пил его маленькими глотками и смотрел на план.

Зачем дед оставил ключ от сарая? Что там, в сарае? Очередная бобина? Папка с грифом «Секретно»? Или что-то другое? Что-то, что нельзя хранить в замурованной комнате на Петровке. Что-то слишком опасное.

Он допил чай. Поставил кружку в раковину. Прошел в комнату. Лег на диван. Включил телевизор. Показывали новости. Диктор говорил о курсе валют, о пробках на дорогах, о предстоящем похолодании. Обычная жизнь обычного города.

Он выключил звук. Оставил только картинку. Мелькание цветных пятен успокаивало.

Зазвонил телефон. Мать.

— Леш, ты как? Я волнуюсь.

— Нормально, мам. Работаю.

— Что за работа? Ты же в отпуске.

— Бумаги деда разбираю. Квартиру.

— А что там за квартира? Ты говорил, на Петровке. Я не помню такой. Мы никогда туда не ездили.

— Старая. Довоенная. Он ее от родителей получил. Сдавал, наверное. Или просто держал. Не знаю.

— Странно. Ваня всегда был скрытный. Даже от меня. От родной дочери. Я его спрашивала в детстве: «Папа, а кем ты работаешь?» А он: «Бухгалтером, дочка. Цифры считаю». А

какие цифры? Какие отчеты? Никогда не показывал. Говорил: «Скучно это, Леночка. Неинтересно». А мне было интересно. Я же дочь. Я хотела знать, чем живет мой отец.

— Мам, а ты помнишь, как он спал с открытыми глазами?

Пауза.

— Помню. Меня это пугало. Я думала, он умер. Подходила, проверяла дыхание. Дышал. Лежит, в потолок смотрит, не моргает. Я его трясла: «Папа, папа, проснись!» Он вздрагивал, улыбался: «Задремал, дочка. Устал на работе». Какая работа так выматывает? Бухгалтерия? Не верю.

— А бабушка что говорила?

— Ничего. Скажет: «Не приставай к отцу». И все. Она его боялась. Не в том смысле, что он страшный. А в том, что он — другой. Не такой, как все. Он мог смотреть сквозь тебя. Будто видит что-то за твоей спиной. Или внутри тебя. Не знаю. Тяжело с таким жить. Она его любила, но тяжело.

— Мам, а ты знаешь женщину по имени Вера?

Снова пауза. Длиннее.

— Вера... Была какая-то. Давно. Когда я еще в школе училась. Она звонила иногда. Просила папу к телефону. Голос тихий, приятный. Я спрашивала: «Пап, кто это?» Он отвечал: «С работы. По отчету». Но я чувствовала, врет. Он после ее звонков становился другой. Мягче. Улыбался. Мама замечала. Ревновала, наверное. Но молчала. А потом звонки прекратились. И папа стал хмурый. Очень хмурый. Начал курить «Беломор» одну за одной. Раньше ведь «Казбек» курил.

— «Казбек»?

— Да. Красивая пачка, белая, с горой. А потом перешел на «Беломор». Дешевые папиросы. Сказал, денег нет. Врал, наверное. Просто «Казбек» ему что-то напоминал. Или кого-то. Алексей молчал. Мать тоже молчала.

— Леш, — сказала она наконец. — Ты что-то нашел в той квартире?

— Бумаги, мам. Старые бумаги. Ничего важного. Просто... воспоминания.

— Будь осторожен. У отца было прошлое. Я всегда это знала. Он не договаривал. И я не спрашивала. Потому что боялась ответа. Если ты найдешь ответ, скажи мне. Я имею право знать. Я его дочь.

— Скажу. Когда разберусь.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Он положил трубку. Посмотрел в темное окно. Там, за стеклом, падал снег. Крупные хлопья кружились в свете уличного фонаря.

«Казбек». Дед курил «Казбек» с Верой. Или для Веры. «Беломор» — это ширма. Жизнь напоказ. А «Казбек» — настоящая жизнь. Та, что осталась в замурованной комнате, в папках с грифом «Секретно», в бобинах с чужой болью.

Он встал с дивана. Прошел на кухню. Открыл холодильник. Пусто. Только полпалки колбасы и засохший сыр. Надо было купить еды. Но он не хотел есть. Он хотел спать. И боялся спать. Потому что во сне приходят провалы. Или сны, которых он не помнит.

«Не верь. Не верь. Не верь. Там не дождь. Там нож». Он лег в постель, не раздеваясь. Накрылся пледом. Закрыл глаза. В голове крутился голос деда с первой пленки: «Сейчас вы пойдете гулять в парк Горького. Там идет дождь. Теплый летний дождь». И шепот. Между словами. Еле слышный. На грани восприятия.

Он провалился в сон. Глубокий, черный, без сновидений. Как в детстве, когда дед сажал его на колени, гладил по голове и говорил: «Спи, Лешка. Спи. Я посторожу твой сон».

Утром он проснулся в шесть. За окном было еще темно. Снег перестал. Небо очистилось, и в разрывах туч проглядывали звезды. Морозные, колючие.

Он встал. Умылся холодной водой. Вода обожгла лицо, прогнала остатки сна. Посмотрел в зеркало. Из зеркала смотрел усталый человек тридцати двух лет. Мешки под глазами. Щетина. Взгляд тяжелый.

Он побрился. Порезался. Кровь выступила на подбородке, он прижал клочок газеты. Газета была старая, «Вечерняя Москва». Он посмотрел на дату. Март 1983 года. Откуда она у него? Он не помнил, чтобы покупал газеты. Может, осталась от прежних жильцов.

Он оторвал взгляд от даты. 1983 год. Год, когда дед исчез на десять лет. Что случилось в 1983-м? Он не знал. Но чувствовал, что это важно.

Оделся. Теплый свитер. Куртка. Шарф. Шапка. В карман — коробку из-под монпансье с планом и ключом. И записную книжку деда. И телефон с заряженным аккумулятором.

Вышел из дома в семь. На улице было морозно и тихо. Дворник уже скреб лопатой асфальт. Снег за ночь слежался, стал плотным, хрустящим.

Он доехал на метро до «Белорусской». Вокзал встретил его шумом, гамом, запахом пирожков и солярки. Он купил билет на электричку до станции Тучково. Ближайшая в 7:42.

До отправления оставалось полчаса. Он зашел в буфет. Взял кофе в бумажном стаканчике и бутерброд с колбасой. Сел за высокий столик у окна.

Люди вокруг спешили. Кто на работу, кто домой после ночной смены. У каждого своя жизнь. Своя память. Свои потери.

Он откусил бутерброд. Колбаса была дешевая, бумажная на вкус. Кофе горький, пережженный. Но тепло разливалось по телу, прогоняя утренний озноб.

За пять минут до отправления он вышел на платформу. Электричка уже стояла. Старая, зеленая, с деревянными сиденьями. Он вошел в вагон, сел у окна по ходу движения.

Поезд дернулся и поплыл вдоль платформы. За окном потянулись пригороды. Серые панельные дома. Гаражи. Пустыри. Потом лес. Белый, заснеженный, тихий.

Он ехал и смотрел на лес. Деревья стояли неподвижно, как нарисованные. Ветки гнулись под тяжестью снега. Изредка мелькали дачные поселки. Покосившиеся заборы. Заброшенные участки. Редкие дымки из труб.

В Тучково он вышел через час с небольшим. Станция была маленькая, облупленная. На платформе — никого. Только кассы и закрытый ларек «Овощи-фрукты».

Он сверился с картой в телефоне. До деревни Старое было километров двенадцать. Автобус ходил раз в два часа. Ближайший — в десять сорок. Ждать час.

Он пошел пешком. Дорога была расчищена, но обочины завалены снегом. Машины проезжали редко. Один раз обогнал лесовоз, обдав снежной пылью. Один раз — старый «УАЗ» с красным крестом на боку. Скорая помощь спешила куда-то в глубину района.

Он шел и думал о Вере. Кто она сейчас? Жива ли? Если жива, узнает ли его? Поймет ли, зачем он пришел? Или захлопнет дверь перед носом, скажет: «Уходи, Тихонов. Хватит с меня вашей семьи»?

Через два часа он вошел в деревню. Десяток домов вдоль единственной улицы. Заборы, палисадники, спутниковые тарелки на крышах. У одного дома лаяла собака на цепи. У другого курил мужик в телогрейке, провожая взглядом незнакомца.

Алексей дошел до конца улицы. Сверился с планом. Дом Веры стоял на отшибе, у самого берега. Он свернул на тропинку, ведущую к реке.

Дом был старый, бревенчатый, почерневший от времени. Крыша крыта шифером, местами поросшим мхом. Забор покосился, калитка висела на одной петле. Во дворе — сарай. Тот самый, с плана. Дверь заперта на висячий замок.

Он подошел к калитке. Толкнул. Она со скрипом открылась. Прошел по расчищенной дорожке к крыльцу. Ступеньки скрипнули под ногами.

Дверь в дом была приоткрыта. Изнутри тянуло теплом и запахом сушеных трав.

Он постучал. Никто не ответил.

— Вера Андреевна? — позвал он. — Вы здесь?

Тишина. Только ветер шуршит снегом по крыше.

Он толкнул дверь. Она открылась. Он вошел.

В доме была одна комната, разделенная печью. Печь топилась. Дрова потрескивали за чугунной заслонкой. На столе — кружка с недопитым чаем. Рядом — очки в металлической оправе. И раскрытая книга. «Анна Каренина». Старое издание, с пожелтевшими страницами.

Черно-белые снимки. Женщина с ромашками на фоне реки. Та самая, что лежала в коробке из-под обуви. Здесь она была моложе. Лет двадцати пяти. Стоит у того же моста, но без цветов. Просто смотрит в объектив. Взгляд прямой, спокойный. На стене — фотографии. Он подошел ближе.

Рядом — другая фотография. Мужчина в сером костюме. Дед. Молодой. Волосы темные, без седины. Глаза живые, не пустые. Он держит за руку женщину. Веру. Они стоят на Красной площади. Фон — елка. Новый год. 1975-й.

Дед не просто влюбился в объект. Он любил ее до того, как она стала объектом. А потом она увидела то, что не должна была. И он должен был стереть память любимой женщине. Они были вместе. До того сеанса. До мая 1976-го.

Он спас ее. Подменил документы. Спрятал здесь, в деревне. И приходил к ней. Покупал молоко и хлеб. Ждал у Киевского вокзала.

Он не смог.

Алексей стоял посреди чужой комнаты и смотрел на чужую жизнь. Жизнь, которую его дед украл у государства, чтобы подарить женщине с добрыми глазами.

В дверях стояла старуха. Маленькая, сухонькая. В валенках и пуховом платке. В руках — ведро с водой. Из ведра шел пар. Она смотрела на Алексея без страха. Спокойно. Как смотрят на то, чего давно ждали. Сзади скрипнула половица. Он обернулся.

— Ты Леша, — сказала она. Не спросила. Утвердила. — Ваня говорил, что ты придешь. Только не сказал когда.

Она поставила ведро на пол. Подошла к столу. Села на табурет. Надела очки. Посмотрела на Алексея поверх стекол.

— Ну, садись. Рассказывай. Зачем пришел? За молоком? Или за правдой?

Сарай на берегу

Старуха смотрела на него и ждала ответа. Глаза у нее были светлые, выцветшие, но не пустые. В них жила память. Та самая, которую дед не смог стереть.

— За правдой, — сказал Алексей.

Вера кивнула. Встала, подошла к печи. Открыла заслонку, подбросила два полена. Огонь жадно лизнул сухое дерево. В комнате стало светлее.

— Правда — это вода, — сказала она, не оборачиваясь. — Ее можно пить. Можно утопиться. Можно заморозить и кататься на коньках. А можно просто смотреть, как течет. Ваня всегда выбирал последнее. Смотрел. И молчал.

Она вернулась к столу. Села. Сложила руки на коленях. Руки были старые, узловатые, с синими венами под тонкой кожей. Но пальцы длинные, красивые. Пальцы музыканта.

— Когда он умер? — спросила она.

— Неделью назад. Во вторник. Сердце.

— Сердце, — повторила она. — У него всегда было плохое сердце. Он говорил: «Это профессиональное. Пропускаешь через себя чужую боль, и она оседает в сердце. Как соль в почечных лоханках». Я не понимала, о чем он. Он не рассказывал про работу. Никогда. Я знала, что он не бухгалтер. Знала с первого дня.

— Как вы познакомились?

Вера улыбнулась. Улыбка была молодая, неожиданная на старом лице.

— В библиотеке. Ленинка. Читальный зал номер три. Я сидела с томиком Цветаевой. Он сел напротив. Достал блокнот, начал что-то писать. Я думала, студент. Потом он поднял глаза, и я увидела — не студент. Слишком много жизни в глазах. Студенты так не смотрят. Студенты смотрят в будущее, а он смотрел в прошлое. В чужое прошлое.

Она замолчала, вспоминая.

— Он подошел и спросил: «Вам нравится Цветаева?» Я сказала: «Очень». Он сказал: «Мне тоже. Особенно про рябину. Помните? „Красною кистью рябина зажглась. Падали листья. Я родилась“». Я удивилась. Мужчины редко читают Цветаеву. Оказалось, он читал все. У него была фотографическая память. Он запоминал страницы целиком. Говорил, это профессиональное.

— Он вам сказал, кем работает?

— Нет. Сказал: «Я работаю с цифрами. Но цифры скучные. А вы — нет». И пригласил в кино. На «Иронию судьбы». Только что вышла. Мы пошли. Он смеялся в тех местах, где никто не смеялся. И молчал, когда все смеялись. Странный. Я влюбилась сразу.

Она сняла очки, протерла их краем платка.

— Потом был Новый год. Семьдесят пятый. Мы поехали на Красную площадь. Он подарил мне духи «Красная Москва». Сказал: «Они пахнут твоим именем». Глупо, да? Но мне было двадцать семь, и я таяла. Мы стояли у елки, и он держал меня за руку. Кто-то сфотографировал. Случайный прохожий. Фотография до сих пор там висит.

Она кивнула на стену.

— А потом случилось то, что случилось, — сказал Алексей.

— Да. Май семьдесят шестого. Я работала швеей в ателье на Кузнецком. Задержалась допоздна. Шила платье для жены какого-то большого человека. Очень срочно. Вышла около полуночи. Пошла через дворы, чтобы сократить путь. И увидела.

Она замолчала. Руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

— Мужчина лежал на земле. И другой мужчина стоял над ним с ножом. Я видела лицо того, кто стоял. Мертвые глаза. Пустые. Как у куклы. Он посмотрел на меня. И я побежала.

Бежала так, как никогда в жизни. Сердце колотилось где-то в горле. Я слышала шаги за спиной. Потом удар. И темнота.

— Дед вас нашел?

— Нет. Меня нашли они. Те, кто убирал тело. Привезли в какой-то подвал. Допрашивали. Что видела? Кого видела? Я повторяла: «Ничего. Никого. Темно было». Они не верили. Сказали: «Придется убирать». И тут появился Ваня.

Она встала. Подошла к окну. За окном падал редкий снег. Река внизу была скована льдом, но местами чернели промоины.

— Он вошел в подвал в белом халате. С чемоданчиком. Я сначала не узнала его. Думала, врач. А потом он снял очки, и я увидела его глаза. Он смотрел на меня и не подавал виду, что мы знакомы. Сказал им: «Я забираю объект. Будет сеанс стирания. Дайте три дня». Они дали. Он увез меня в закрытый стационар. В палату номер двенадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.